

Спать хочется...

Гений скучен не как все, он скучен по-своему

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

Театр есть величайшая школа терпения. Особенно для тех, кто посещает его не только по зову сердца, но и по долгу службы. Наш вылающийся шекспировед и вообще большой знаток зарубежной сцены Алексей Бартошевич на днях весьма уместно прошептал какого-то западного коллегу: «Критик — это Золушка, которая вынуждена каждый вечер отправляться на бал».

Московская Театральная олимпиада движется к зениту, так что пора уже составлять список наиболее занудных гастролеров. На мой взгляд, в особом виде театрального спорта — кто быстрее усыпит зал — пока лидируют «Игры снов» стоковского «Штадтеатра» (режиссер, а заодно и художник — Роберт Уилсон) и швейцаро-немецко-американско-французская постановка под японским названием «Хаширигаки». Автора которой, человека с хорошей фамилией Геббельс, наряду с вышеупомянутым Уилсоном знатоки считают гением. Ну им, знатокам, конечно, виднее...

Уснуть и видеть сны — настоящие, а не стриндберговские — на Уилсоне мешали только перманентные взрывы за сценой. Прямо «чеченский след» в Скандинавии. Тем не менее, когда в глубинах зала долго и безнадежно звонил мобильник, журналисты переглядывались и пересмеивались — кому-то из зрителей явно удалось прикорнуть. Может, берущи с собой предусмотрительно захватили?

Звон битого стекла заменяет Уилсону звук лопнувшей струны. Каждая картина «Игры снов» завершается внезапным грохотом и шумным осыпанием осколков, как будто докатившаяся издали волна разом обеззаконивает пятиэтажный (не меньше) дом. Это удобно, поскольку позволяет вести картинам счет — иных зацепок для простого зрительского сознания не предусмотрено.

«Игру снов» перевели сравнительно недавно — пьесу мало кто читал. Синхронного перевода на спектакле не было. Зато было присовокупленное к каждой программке краткое содержание, от которого сразу вскипали мозги. Дочитал до третьей картины и начинаю сначала, потому что смысловые связи к этому моменту потеряны безвозвратно. Некто Агнес, дочь бога Индры, сходит живой на землю, чтобы людей посмотреть и себя показать. Тут она встречает Стекольщика. Расспрашивает его о каком-то Растущем Замке. Уходит с Офицером, но потом перекидывается на Адвоката. (Прямо из Блока: с офицерами гуляла, с Падвою теперь пошла...) «Мать офицера умирает и оставляет свою накидку, подарок мужа, бедной служанке Лине. Муж обижен ее жестотой». Вероятно, он мечтал доносить накидку сам. Адвокату не дают диплом, и он с горя женится на Агнес, а докторскую степень неожиданно получает Офицер. Вместе с тем «Офицер встречает школьного учителя и вынужден возвратиться в школу...».

Какие-то изможденные домашней работой слуги. Какой-то богатый слепой. Брошенный ребенок, о чем появлении на свет прежде не говорилось ни слова. Растущий Замок почему-то к финалу трактуется как Горящий Замок... Голову можно вывихнуть.

Однако главный прикол спектакля заключается в том, что действие совершенно не совпадает с описанием. Скажем, доение коров происходит в резюме как «вручение дипломов», ну и так далее. Едва-едва осилив один бред, вы немедленно погружаетесь в другой. Слава Богу, хоть очень красивый. Хороши залники: светло-голубой, небесный; такой же, но с легким песочным свечением, свидетельствующим о близости моря; нарядный ало-коралловый; нежный сиреневый, постепенно склоняющийся к фиолетовому; глухая кирпичная стена с маленьким зарешеченным окошком наверху и, наконец, многократно увеличенная старинная черно-белая (вернее, светло-серая) любительская фотография: аккуратный дом, девочки в передничках, допотопный велосипед...

Симпатичны белые животные — лошадь и три коровы — не живые, но в натуральную величину. Они на колесиках, их возят за веревочки.

Живописны руины (впрочем, может быть, это стройплощадка)...

Иностранцы обогнали нас в искусстве сценорафии, что неудивительно, ибо в России дизайнерская мысль вообще слабо развита. Претенциозное уродство демонстрируют на подиумах зайцевы и юлашкины, такое же уродство скрывает автозаводских конвейсеров, и города напши застраиваются дикой псевдovосточной безвкусицей.

Уилсон: боги горшки обжигают.

Внешняя красота не русская сила. И таких декораций — легких, звонких, стройных, опрятных, элегантно, чтобы не пахло театральной пылью, — у нас не бывает. Однако на декорации приятно смотреть минут десять-пятнадцать. Потом хочется действия, сюжета, понимания и сопереживания. В этом отношении «Игра снов» — полный капут.

Вот небожители — с рубанками и молотками. Люди сплошь серьезные, респектабельные, работают не спеша, поскольку впереди у них вечность. И позади, кстати, тоже...

Вот обитатели грешного земного мира: довольно галенский старикашка Стекольщик, какой-то зеленый дурмар с сачком, какая-то вульгарно хохочущая особа... Актеры поют, плачут и хохочут, чихают на первый ряд, смачно плюются, корчат страшные рожи, жонглируют стульями, балансируют с бутылкой на голове, выдирают из горшков злаки, кладут кирпичи, совершают ритуальные телодвижения в сильно замедленном темпе — как будто спектакль играется в толще воды, исполняют смешной, но совершенно отдельный клоунский номер, гавкают, булькают, икают, а также произносят огромное количество текста на никому не понятном шведском языке, и прекрасные их голоса усиливаются громким эхом.

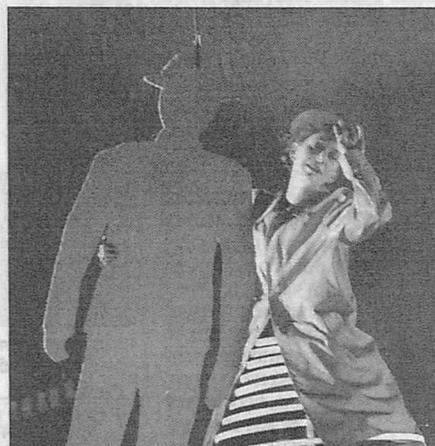
Технически — безупречно. По-человечески — невыносимо скучно.

То ли в спектакле Уилсона вообще нет смысла, то ли его там слишком много, и он, как мышьяк в больших дозах, перестает действовать. Понятно, что для правильного восприятия «Игры снов» следовало полностью опустошить голову и жлать, пока ее заполнит свежее содержание, пришедшее извне, но на практике у меня лично это не получилось. Доступна и трогательна оказалась лишь одна, прощальная сцена, когда горести человеческие, потеря свой вес, вознеслись и зависли над сценой в виде туфельки, цилиндра, кружевного платочка и прочих предметов домашнего обихода. Красиво, что тут скажешь. Красиво.

Другой театральный интернационал — «Хаширигаки» — после Уилсона смотрелся скучно в квадрате. Красота задников утратила свою первоизданность. Ну подсветка, ну колер заманчивый, неплохо бы составить себе на лето такой гардеробчик... — мысли скачут, а глаза все равно слипаются.

Главным достоинством «Хаширигаки» является краткость — полтора часа вместо уилсоновских трех с половиной. Главным недостатком — полная и абсолютная бессмысленность происходящего. Говорят, в основу спектакля были положены отрывки из современных американских сказок. Для взрослых эти сказки или для детей и куда деваются потом дети, их начитавшиеся (в Америке с таким нечеловеческим IQ делать нечего, Америка страна незамысловатая), осталось покрыть мраком тайны.

Сказочка, значит, получается следующего бредового содержания. Выходят на сцену три женщины в громко хрустящих комбинезонах: одна модельного роста с длинными руками, ногами и волосами, вторая — маленькая пухлощекая японка, третья — рыжая, немолодая, без особых примет. И притаскивают они из-за кулис поочередно разные глупые вещи, как то: ложки, канистру,

Сказка от Геббельса.

бензопилу, доску для серфинга, детскую коляску. Поскольку ничто из данного перечня им впоследствии не понадобится, дамы тут же спускают все принесенное в импровизированный мусоропровод. При этом они морочат публице голову англоязычной дребеденью, идущей без перевода, ибо ни один переводчик не успевал бы за их тараканьем. «Мы делаем одну вещь, потом дружку, потом снова ту и снова эту...». У папа была собака, он ее любил. На колу мочало — давай сначала. И девчонки дадут еще неоднократно: то примутся перечислять сотни предметов и действий, делающих человека счастливым либо несчастным, то поднимут вопрос, что значит сказать достаточно — то есть не больше и не меньше, чем требуется, то объяснят, что они имеют в виду, когда говорят: «Мы имеем в виду». И т.д. и т.п. Слова вроде бы все понятны, но общая картина из них не складывается, хоть убей.

Помимо того троица меняет наряды, задирает ноги, строит на сцене картонный город и раздражает на картонном автобусе, издает душераздирающие вопли, бьет в колокола, больше похоже на горшки для каши, а также звякает, скрежешет, дребезжит и тикает на разнообразных музыкальных инструментах — от виолончели до каких-то неопознанных этнографических медных сосудов. Мелодия временами напоминала мне два русских штыгера — «Во саду ли в огороде» и «У дороги чибис», но, думаю, это были слуховые галлюцинации на фоне общего мозгового переутомления.

Да, и главное — девушки поют. Вообще в программке они проходят как профессиональные вокалистки. Впрочем, если бы их привезли не со спектаклем, а с концертом, основная часть билетов осталась бы в кассе. Нет людей более доверчивых, шедрых и гостеприимных, чем московские театралы. Участниц «Хаширигаки» спрavedливо было бы закидать помидорами, а к устроителям олимпиады предъявить мягкую претензию: вы все-таки тщательнее выбирайте, кого на деньги налогоплательщиков привозить, но полтора часа дикой мути были встречены дежурной нормой аплодисментов, как будто ничего особенного не случилось. Обычный гениальный спектакль.